

Ду Сытун поначалу считала этого человека надоедливым и бестактным. Однако после нескольких встреч, когда он продолжал вести себя вежливо и учтиво, хотя и настойчиво, она начала чувствовать себя неловко. К тому же искренность Ян Цзыци и предложенные им условия были настолько привлекательными, что Ду Сытун едва не сорвалась и не выдала личность Линь Шу.

Хотя в итоге она смогла сохранить хладнокровие, она невольно изменила свою позицию и сказала Линь Шу:

— Может быть... Линь Шу, ты встретишься с ним? Даже если ты хочешь отказать, скажи ему это лично. Мне кажется, он искренний, и постоянно избегать встречи кажется невежливым.

Линь Шу выслушал, на несколько секунд задержал взгляд, а затем ответил:

— Хорошо.

В тот день Ян Цзыци, преодолев множество препятствий, наконец добился согласия Ду Сытун. Он выбрал хороший ресторан, забронировал отдельный зал и стал ждать появления Ду Сытун и создателя игры.

Когда Ду Сытун толкнула дверь и вошла в зал, Ян Цзыци сразу же насторожился, ожидая увидеть человека, стоящего за созданием «Идеала Троецарствия». Однако к его удивлению, за спиной Ду Сытун показался силуэт ребенка.

Ребенок, последовавший за Ду Сытун в зал, был лет десяти, с невероятно изысканной внешностью. Его кожа была белой, как лучший нефрит, а черты лица казались выточенными в 3D-модели, создавая ощущение нереальной красоты.

Но взгляд у него был слишком глубоким для ребенка.

Ян Цзыци тогда просто опешил. В душе он решил, что Линь Шу похож на персонажа, который мог бы появиться только в игре — на бессмертного с детским лицом или на взрослого, переродившегося в новом теле. Контраст между его внешностью и выражением лица создавал необъяснимую притягательность, которая привлекала не одну конкретную группу, а всех, кто восхищался красотой и силой.

Разве не такие персонажи сейчас в моде — внешне хрупкие и прекрасные, но внутри умные и могущественные?

Детская внешность, очевидно, лишь усиливала этот контраст, создавая еще более сильное впечатление.

Настолько поглощенный изучением Линь Шу, Ян Цзыци даже забыл спросить, почему Ду Сытун привела ребенка, и погрузился в разглядывание его черт лица и мимики, размышляя, как лучше всего смоделировать такого персонажа, чтобы передать всю силу впечатления от живого общения.

Раньше Ян Цзыци не раз создавал подобные концепции персонажей и модели, но теперь, сравнивая их с реальностью, они казались ему жалкими поделками. Чудеса природы были недостижимы для человеческого мастерства.

В итоге Ду Сытун почувствовала, что взгляд Ян Цзыци на её наставника и ученика становится слишком странным, и с опаской окликнула:

— Господин Ян? Господин Ян?

Ян Цзыци пришел в себя и увидел, что Ду Сытун смотрит на него с подозрением:

— Господин Ян, на что вы смотрите?!

Прикрывая Линь Шу собой, она явно показала, о чем подумала. Ян Цзыци опешил, хотел что-то сказать, но тут ребенок, стоявший сбоку от Ду Сытун, с досадой закатил глаза.

Этот жест разрушил магическую атмосферу вокруг ребенка, но придал ему больше детской непосредственности. Эта перемена не казалась неуместной, но придавала образу тонкую живость — когда эта мысль промелькнула в голове, Ян Цзыци вдруг вспомнил, что этот ребенок вовсе не 3D-модель, а живой человек, и невольно рассмеялся своим мыслям.

А затем Ян Цзыци заметил неладное.

После того как Ду Сытун и Линь Шу вошли в комнату, за ними никто не вошел.

Он нахмурился, заподозрив новые изменения, и обратился к Ду Сытун:

— Госпожа Ду, где ваш друг?

Тут Линь Шу поднял голову и с выражением, которое лучше всего описывалось фразой «вы, глупые смертные», улыбнулся, посмотрел на Ян Цзыци и произнес:

— Если вы делаете «Идеал Троецарствия», то тот человек — это я.

В голове Ян Цзыци мгновенно пронеслась целая пачка мыслей вроде «Что за чертовщина!», и он почувствовал себя обманутым. Кто бы поверил, что этот малыш, ростом ему по пояс, создатель такой сложной, изящной и глубокой игры?

Ян Цзыци обратился к Ду Сытун:

— Госпожа Ду, даже если вы не хотите знакомить меня с вашим другом, не стоит шутить подобным образом —

Но он не успел договорить, так как Линь Шу перебил его на полуслове:

— Я знал, что ты не поверишь, поэтому и не хотел встречаться. Ладно, учительница Ду, пойдем обратно.

Сказано было очень убедительно.

Ян Цзыци тогда ответил:

— Малыш, если ты решил выдавать себя за кого-то, выбери цель попроще... Ты хоть понимаешь, что эта игра — это не то, что можно сделать, просто будучи немного умнее и умея хорошо говорить. Для этого нужны многолетний опыт и зрелое мышление... Как минимум тридцать-сорок лет и статус профессионала...

Однако Линь Шу лишь обернулся и улыбнулся.

Честно говоря, игру подобного уровня Линь Шу мог бы спланировать еще в прошлой жизни, в восемнадцать-девятнадцать лет. Тогда ему не хватало только техники, но не проницательности

в игровой индустрии.

К тому же, сложив обе его жизни, он прожил всего тридцать один год. Откуда взяться минимум тридцати-сорока годам?

— Ха?

Он усмехнулся и сказал Ян Цзыци:

— На чем основано твое суждение?

Ян Цзыци замер.

Линь Шу продолжил:

— Просто ты сам этого не можешь, поэтому думаешь, что никто не может. «Я есть весь мир»... Люди с подобным образом мыслей в этой жизни не добьются ничего большего.

В его словах сквозил вызов, и они были совершенно нелогичны. Но Ян Цзыци был взрослым, поэтому к детям он неизбежно испытывал повышенную терпимость — ведь в глубине души он изначально не воспринимал ребенка как равное себе существо, потому и не стал с ним спорить.

Но слова Линь Шу всё же пробудили его интерес, и он спросил:

— То есть ты считаешь себя гением, способным на то, что не под силу обычным людям?

— Господин Ян, — ответил Линь Шу тоном взрослого, — в этом мире нет гениев. Или, точнее, не существует тех, кого вы считаете способными преодолеть любые препятствия лишь благодаря таланту. С тех пор как в нашу страну попали арабские цифры, или, если угодно, с момента распространения математического образования, китайские дети демонстрируют поразительные способности к вычислениям без помощи механизмов, что часто шокирует западных людей, привыкших к калькуляторам. Если бы это произошло в древности, когда математике не придавали значения, пожалуй, каждый мог бы стать бухгалтером. Это считается гениальностью? На самом деле, большинство из нас обладает весьма обычными задатками и талантами, а некоторые даже уступают древним людям. Но благодаря подобному обучению мы можем демонстрировать вычислительные способности, которые для них кажутся невероятными... Это не имеет отношения к таланту, просто они не понимают процесса превращения «обычного человека» в «гения». А то, что вы называете гениальностью, — это не более чем недопонимание и преувеличение, возникшее из-за того, что люди одного уровня не понимают людей другого уровня. Иногда разница в талантах далеко не так велика, как вы себе представляете.

Ребенок, способный произнести такую речь, по-настоящему потряс Ян Цзыци.

Его отношение к Линь Шу перестало быть безразличным. Ян Цзыци всё ещё не верил, что Линь Шу создал «Идеал Троецарствия», но в голове уже закрепилось впечатление: «этот ребенок — нечто необычное».

Если только эти слова не научил его кто-то другой.

Ян Цзыци задал вопрос:

— ...Выходит, у тебя есть какой-то более эффективный метод обучения, чем у других?

<http://bllate.org/book/16614/1519667>